

жане и Средней Азии, везде решенной по-своему, в зависимости от национальных традиций и наличного строительного материала ⁷¹.

Таково происхождение и изразцового декора, ведущего начало от изразцовой выкладки печи внутри дома, также перенесенной наружу. Очень показателен прием украшения фасада храма поливными блюдами или их имитацией, о чем уже шла речь (мы их видели в Греции и Армении), — они тоже были перенесены наружу, очевидно, из интерьера. Такое перемещение декора имело свою предысторию: еще в начале X в. Мануэл, зодчий армянского царя Гагика Арцруни, перенес убранство пиршественного зала с развешанными там охотничьими трофеями на фасад придворного храма на острове Ахтамар ⁷². Но в X в. это было исключением, в XII—XIII вв. — стало нормой.

Таким образом, архитектурный живописный стиль в средневековой архитектуре по природе своей генетически связан со светской культурой города. Он порожден городской жизнью с ее социальными контрастами и развивался вместе с ней. В культовом зодчестве этот стиль — явление вторичное, хотя именно в этой сфере он получил особенно богатое развитие ⁷³.

Таковы наши некоторые соображения относительно генезиса живописного стиля в средневековой архитектуре. Но это только самые первые соображения. Всестороннее исследование проблемы на возможно более широком материале должно быть продолжено.

⁷¹ Существуют и другие объяснения тенденции усилить декоративную разработку фасадов (в том числе и полихромии) в средневековой архитектуре. М. А. Ильин в отношении древнерусской архитектуры возводит эту тенденцию к древним славянам; их культовой архитектуре, по его мнению, искони присуще преобладание внешней формы, которая «играла первенствующую роль, будучи усилена декоративными элементами» (М. А. Ильин. Указ. соч., стр. 93). Г. А. Пугаченкова расцвет архитектурной полихромии в Средней Азии (этот расцвет она называет «величайшей революцией в архитектуре»: Г. А. Пугаченкова и Л. А. Ремпель. Указ. соч., стр. 307) объясняет особенностями народов Востока, в крови которых лежит «любовь к интенсивному цвету, к звучному колориту и радостным краскам». Но и то и другое объяснение не может нас удовлетворить, ибо вряд ли можно назвать народы, которым не было бы свойственно тяготение к декоративности, к красочности и яркости.

⁷² И. А. Орбели. Памятники армянского зодчества на острове Ахтамар. — В кн.: И. А. Орбели. Избранные труды, т. 1. М., 1968, стр. 192—203.

⁷³ Глубоко прав Н. Н. Воронин, отмечавший значение светского «теремного» зодчества в формировании монументальной культовой архитектуры домонгольской Руси (Н. Н. Воронин. «Слово о полку Игореве» и русское искусство XII—XIII вв., стр. 338.)